

не допускать. И разнообразности строения между строением чтоб делано не было, напримеръ, где во вновь заведеннаи улице былъ чей домъ заложенъ или уже и построенъ порядочнаго строения и хорошева заведения, тутъ подле оныхъ которые хозяева не в состоянии против протчих, выстроит не давать».

Тюменцы давали подписки о принятии отведенного под застройку дома места, как, например, сержант Василий Щетинин 7 июня 1794 г.: «... Даль сию подписку в томъ, что принялъ я для застройки собственного дому отведенное от управы благочиния обще с градскою думою место 1-й части во 2-м квартале...» [ф. И-2, оп. 1, д. 600, л. 23]. В случае пожара вновь строить дом на пожарище «за силою указного повеления» было не велено; погорелец мог сам приискать себе новое место и обратиться к властям с просьбой «освидетельствовать» место, «по свидетельстве отдать во владение и впредь о владении дать указ» — с таковой просьбой, например, после бывшего в Тюмени в 1766 г. пожара, в челобитной на имя императрицы Екатерины Алексеевны, которую надлежало подать в Тюменскую воеводскую канцелярию, обратился к властям 28 февраля 1767 г. тобольский дворянин Алексей Васильев сын Текутьев [ф. И-47, оп. 1, д. 1769, л. 13].

Таким образом, дальнейшее исследование этих и других, находящихся в богатейших фондах ГАТО и в других тюменских и тобольских фондовых собраниях, материалов позволяет нашему современнику проникнуть в глубь веков и умозрительно, и с опорой на сохранившиеся в документах чертежи и рисунки, а представление об определенных традициях в тюменском градостроительстве на протяжении длительного времени, наложенное на впечатления от сохранившихся и сегодня старых тюменских развалюх и отстраиваемых памятников деревянного зодчества, поможет приблизиться к воссозданию зрительного облика Тюмени екатерининских времен.

Ольгерд Исаевич Усминский

ЭКСПРЕССИВНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА

На примере молодежного сленга в статье рассматриваются современные процессы взаимодействия литературного и нелитературных языков.

0.0. Развитие любого естественного языка представляет собой многогранный, противоречивый процесс, который обусловлен большим количеством как языковых, так и неязыковых факторов, действующих (или включающихся в великую языкотворческую «игру») с различной степенью силы, постоянства. Нормальное развитие языка — это почти непрерывное включение в язык новых элементов, «взвешивание» их на психолингвистических весах языкового сознания, закрепление их в системе и выпадение из системы в случаях их ненужности, избыточности или неприемлемости с эстетической, информативной, образной и экспрессивной точек зрения. Следует помнить, что уже сложившийся литературный язык не только противостоит массе нелитературных языков, подъязыков и стилей, но и «сотрудничает» со многими системами, элементы которых никак нельзя назвать кодифицированными. Такие системы выступают как потенциальные резервы литературного языка, что определяет единство и борьбу противоположностей, которыми и являются литературный и нелитературные языки.

0.1. В последние пятнадцать лет мы наблюдаем не кризис русского языка и языкового сознания, а гораздо более сложное и «плотное» переплетение на-

званного противостояния и сотрудничества (последнее можно определять и как диффузию, интерференцию, «подпитку»).

Многие элементы современного молодежного жаргона научно интересны с семантической и экспрессивной стороны. Рассмотрение некоторых из них, разумеется, может затронуть лишь немногие особенности вербальной реализации.

1.1. Известное просторечное «наперекосяк», будучи отсубстантивным наречием, возможно, послужило словообразовательным «стартом» (в плане вхождения в словообразовательный класс) для отадъективных новообразований типа «на скоряк», «на быстряк»: «Саня, давай на быстряк!». В этих словах очевидны и оценка фамильярной иронии, и стилистический ореол молодежного ами-кошонства.

Более экспрессивным и образным представляется молодежное фразеологическое выражение «Присесть на умняк» (т. е. «глубоко задуматься»). В последнем случае наблюдается расширение как семантической позиции неологизма, который обеспечивается (поддерживается) семантическим потенциалом глагола «присесть», так и неосознанное стремление сообщить новообразованию более устойчивый системный статус, поскольку языковое сознание интуитивно правильно оценивает более консервативный, имеющий тенденцию к более прочному закреплению в языке характер фразеологизма по сравнению с отдельным словом.

В приведенном фразеологизме нельзя исключать и аллюзию, намек на известный обобщенный образ глубоко задумавшегося человека: не более и не менее как на скульптуру О. Родена «Мыслитель». Следует все-таки помнить, что создание новых слов и фразеологизмов в молодежной городской среде является языковым творчеством людей с достаточно развитым чувством языка и пониманием его возможностей, т. е. «уровневых» людей молодого поколения с определенным культурным кругозором и запросами на свои семантические и семиотические микросистемы, элементы которых имеют не всем понятную экспрессивность и доступны лишь «посвященным».

В молодежной среде нередко случаи создания слов на основе совместного действия метафорического и метонимического механизмов, причем метонимический «сдвиг», будучи семантическим лидером переноса, помогает создавать более конкретное, видовое слово в сравнении со «штатным», ожидаемым наименее

Мирослав НЕМИРОВ

ЗИМА

*Ночь
Автобус? Ну так садись в него!
На свете и есть лишь, что ночь
да ты, не один-единственный —
как, наверное, Ной.*

*Садись в автобус, похожий
на аквариум,
а внутри в нем тепло и пусто,
и ты можешь сам с собой
разговаривать,
и быть сентиментальным
и нудным.*

*И вот стихи ни о чем, патетика
пустяков — просто я, и зима,
и, хочешь, можешь дальше ехать,
а хочешь, сойди с ума.*

*Чем не Одиссея, чем не эпос вам
повествование, как шел
декабрь, а ты блуждал между
«повеситься»
что ли» и «живой, чего еще»?*

*Ничего! Я деревянный, как дерево,
Но, как дерево, тайно живой.
В декабре
это все-таки успех, аж не верится:
живой, хоть убей.*

*Или вы считаете безнравственным,
мол, стихи, — значит, жги сердца?
Так вот что: поэзия —
дарственная
на меня. Надо? Нравится?*

нованием; метафорический момент семантического механизма способствует серьезному повышению образных возможностей нового слова. Словом «фарш» сейчас часто называют интерьер автомобиля, детали салона, особенности внутреннего автомобильного убранства. «Фарш» — конкретизатор родового понятия «начинка» или «внутренние особенности объекта». Метонимическое перемещение «от родового к видовому» сочетается с функциональным метафорическим переносом: «многочисленные внутренние детали салона» — как «фарш». Здесь обращает на себя внимание стилистическая невыверенность метафоры: происходит эклектичное сопоставление объектов из-за их явной тематической несоотнесенности, принадлежности к различным сферам реальности. Возможно, именно поэтому образность «фарша», будучи сама по себе весьма высокой, так сказать, не «вяжется» с самим характером обозначения объекта, не может быть признана оправданной.

Однако «фарш» выступает и как словесный пароль, манифестант принадлежности молодого человека к определенному социально-возрастному кругу. «Полный фарш» и «атасный фарш» с успехом замещают словосочетания «все опции» и «все навороты», сообщая молодежному определению «крутой» характер, несколько эпатирующий непосвященных. Попутно заметим, что бороться с эпатирующей функцией молодежного городского жаргона — занятие бесперспективное не только с точки зрения неменяемости носителей этого жаргона ко всякого рода поучениям о «засоренности русского языка»: такая «борьба» антинаучна именно из-за непонимания некоторыми профессиональными филологами большой системообразующей роли эпатирующей функции. Функции пароля, социально-языкового манифестанта и эпатажа — неотъемлемые активные свойства молодежного жаргона и, что не менее важно, механизмов его создания.

Сочетание метонимического и метафорического начала наблюдается и в механизме создания выражения «посидеть на три жала». Речь здесь идет о посещении бара тремя людьми. Один из типичных атрибутов бара — соломинка для питья. Метафора «соломинка» как «жало» является качественной, визуальной по форме. Метонимический сдвиг «три человека — три жала (три соломинки)» принадлежит к типу «деталь вм. объекта». Фразеологическое расширение «жала» косвенно свидетельствует о высокой оценке новообразования носителями жаргона.

1.2. Лексико-семантический способ словообразования часто реализуется и в виде «чистых» метафорических переносов. Например, понятие «ерунда» нередко передается неологизмом «чешуя». Скорее всего, данная функциональная метафора основана на следующих семах, общих для двух значений: «что-то очень поверхностное», «что-то ненужное для человеческой жизнедеятельности», «то, что не имеет ценности». Новое слово приобрело — по сравнению с «чешуей» — конкретность и визуальную образность.

Интересные семантические изменения произошли со словом «редиска», которое пришло в язык молодежи из воровского аргота, где оно обозначает понятие «плохой человек». В молодежном жаргоне появилось слово «редиска», значение которого — «глупый, тупой человек». Семантическая база этого нового обозначения — гораздо более широкий, «тупой» верх корнеплода редиски в сравнении с низом. Несколько лет назад нами был выделен подтип функциональной метафоры — «метафора по валентности», в границах которой создатель и носители нового элемента как бы «разыгрывают» общие для двух слов их лексические закрепленности, валентности, например: «И крепки снасти, как крепкий кнастер...» Объективно ничего общего между «крепостью» табака и «крепостью» корабельных снастей нет, но фразеологизированные сочетания позволяют «сыграть» пусть и не в глубокую, но внешне привлекательную, яркую языковую игру с небезынтересным результатом.

В последнем случае мы имеем дело не с созданием нового лексико-семантического варианта многозначного слова, который характеризуется семантическим выведением и преемственностью значений в границах одной семантемы, но — с созданием нового слова, омонима по отношению к «редиске» — «плохому человеку». Интересно также заметить, что и первая «редиска» — результат действия лексико-семантического способа словообразования, ее метафорической разновидности, однако семантический механизм этой «редиски» все-таки отличается от механизма создания новейшего молодежного слова («редиска» — «плохой человек») — было образовано В. Лениным-Ульяновым для определения политической сути Л. Троцкого: сверху красный, внутри белый — напоминает редиску. Сложность первого переноса обусловлена также и тем, что сопоставление реальной и политической «красноты/белизны» носит условный характер, семантической основой которого выступает метонимическое осмысление ситуации: красный цвет символизирует левый политический спектр, белый — правый спектр.

Борьба за чистоту русского языка не должна «скатываться» на механистическое исключение или безоговорочное осуждение всего того, что пришло в русский литературный язык из иностранных языков и молодежного городского сленга за последние 15 лет. Поэтому я не могу полностью согласиться с теми строками в предложенном положении о нашей Ассоциации, где говорится о разрушении национального языкового сознания и о том, что это якобы дошло до кульминации. Во-первых, слова о «кульминации» разрушения являются чисто эмоциональным «выплеском», не имеющим объективных научных оснований. Во-вторых, приход массы иноязычных элементов в период кардинальных общественно-политических, экономических и культурных реформ — совершенно объективный процесс, и национальный язык именно в этот период начинает работать, так сказать, в усиленном режиме. Национальное языковое сознание взвешивает, оценивает, отбрасывает и принимает иноязычные элементы. Довольно часто окончательное закрепление или вытеснение «варяжского гостя» происходит годами. Так случилось, например, со словами «лизинг» и «консенсус», которые в конце концов не прижились и не смогли заменить или по крайней мере стать синонимическими вариантами «аренды» и «классового мира». Но ведь целенаправленной борьбы с ними не велось: в лексической системе русского литературного языка они оказались избыточными.

Разумеется, подавляющее большинство элементов молодежного сленга не войдет в литературный язык. Однако молодежный сленг, формирующийся в столице, очень часто представляет интереснейшие примеры в области словообразования, морфемики, сложнейших семантических процессов. Явления в этих областях легче всего заклеить, «идентифицировать» их с помощью поверхностных ярлыков. Но такое отношение к современному городскому сленгу молодежи по крайней мере непрофессионально.

Вспомним Петровскую эпоху, вторжение в русский язык около 700 немецких, английских, французских, голландских слов для отражения новых для русских людей реалий. Было ли состояние русского языка в ту эпоху болезненным? Безусловно. Пережила ли стилистическая система языка потрясение? Конечно, да. Но такая встряска заимствованиями и соседством их с нейтральными русскими, русскими диалектными и старославянскими элементами стала творческой встряской, явилась исключительно сильным импульсом развития, сделалась своеобразной «прививкой», снимающей фобии перед новыми волнами иноязычных влияний. Такая «прививка» облегчила в будущем взвешивание всего нового и очень непривычного, а новое стало восприниматься более спокойно.

Говорить же о какой-то языковой катастрофе и необратимой деградации языка — значит мыслить апокалиптически, сеять панику тогда, когда есть возможности для глубокой аналитической работы над уникальным, интереснейшим материалом.

Но, разумеется, я полностью согласен с крайне отрицательной оценкой, которая выражена по отношению к безобразному сокращению учебных часов на русский язык и русскую литературу. Вот здесь оценки и отношение к этому должны быть неуступчивыми и однозначными. Опасность именно здесь, а не в каком-то лишнем десятке английских слов, проникших в современный русский язык.

Ханиса Чавдатовна Алишина

ТЮМЕНЬ — СТОЛИЦА ДЕРЕВЕНЬ

(географические названия Тюмени и прилегающих татарских населенных пунктов)

Этническая история сибирских татар не может считаться полностью изученной, пока не будет исследована история формирования их поселений. В данной работе делается попытка охарактеризовать историю, происхождение и семантику географических названий города Тюмени и прилегавших к ней татарских населенных пунктов — юрт Казаровских, Матмасовских, Матияровских, Новошабабинских, Утяшевских, Новых.

Многовековая система управления, регламентация сбора налогов и податей сформировали такой принцип номинации в топонимике сибирских татар, который совпадал с родоплеменным признаком расселения. Н. Ф. Катанов в 1894 г. отмечал: «Как турки, так и татары, и другие мелкие кочевые племена называют друг друга: оседлые по городам и деревням, к которым приписаны, а кочевые и бродячие по названиям колен и племен, к которым принадлежат» [Катанов 1894:10]. При этом оседлыми племенами он называет те, что исповедуют ислам, кочевыми — племена, живущие «по степям» и занимающиеся скотоводством, а бродячими — живущих «по горам и лесам» и занимающихся звероловством. Современные исследователи развили эту мысль: «При кочевом образе жизни основное внимание людей направлено на особенности структурирования своего этноса. Каждая ячейка кочевого этноса имеет свое название, которое тщательно хранится на протяжении поколений, поскольку в условиях отсутствия документов лишь знание своего места в сложной родоплеменной структуре обеспечивает человеку доступ к родовому праву. При оседании кочевников на зем-

Константин МИХАЙЛОВ

АЗИЯ

*Азия — это храм.
Солнечный диск крылат.
Каждую ночь — ислам.
Месяц, лучист и свят.*

*Утренний клик орлов.
Степь — колыбель зерна.
Дым. По следам коров
Двигутся племена.*

*Говор монгольских стай.
Угрюмый снег и мел.
Опиумный Китай.
Шелест арийских стрел.*